

Институциональные основания модификации общественно-государственного диалога в современной России

Дзгоева Диана Таймуразовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург).
Старший преподаватель кафедры истории и политологии
dzgoeva@sziu.ru

РЕФЕРАТ

Основная цель статьи связана с попыткой теоретического осмысления и сравнительного анализа существующих моделей взаимодействия власти и общества, а также выявления проблемных сторон и противоречий, возникших в процессе формирования общественно-государственной коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

взаимодействие власти и общества, модели общественно-государственной коммуникации, гражданское общество, государство

Dzgoeva D. T.

Institutional Basis of Social-Public Dialogue Modification in Contemporary Russia

Dzgoeva Diana Taimurazovna

North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg)
Senior Lecturer of the Chair of History and Political Science
dzgoeva@sziu.ru

ABSTRACT

The main purpose of this article is associated with an attempt of theoretical understanding and comparative analysis of the existing models of interaction between government and society, and detection of the problems and the contradictions arising in the process of forming a social-public communication.

KEYWORDS

interaction of government and society, models of social-public communication, civil society, government

Чем выше уровень гетерогенности социального состава общества, тем сложнее выстраивается система представительства интересов различных групп населения. Это обстоятельство стимулирует возникновение институтов гражданского общества, призванных отчасти как раз решать проблему адекватного представительства социальных интересов. В реальном политическом процессе важнейшей формой реализации функции представительства общественных интересов выступает общественно-государственный диалог, анализ институционализации которого в современной России составляет предмет настоящей статьи.

В постсоветский период Россия столкнулась с проблемой преобразования социальной системы в особых условиях, когда важным наследием обновляющейся страны стала бюрократия, включая ее часть, задействованную в системе общественно-государственных отношений¹. Это послужило одной из основных причин

¹ См. подробнее об этом в работах [10; 12; 20] и др.

начала крупномасштабной реформы процесса управления в России. Составные части этого процесса — административная и бюджетная реформы, а также монетизация льгот, изменение пенсионной системы, приватизация государственных учреждений и т. п., были направлены на повышение эффективности процесса управления, в том числе в социальной сфере¹.

Общественный сектор является производной всей социально-политической системы государства, которая и определяет особенности его развития². Исходя из этого, современные исследователи выделяют три основные модели социального государства: социал-демократическая, консервативная и либеральная³. И каждая из этих моделей по-своему детерминирует характер взаимосвязи гражданского общества и государства⁴.

Российский случай социального государства достаточно подробно описан в современной литературе, где значительная часть авторов относит опыт социально-политического развития современной России к модели «запоздалой демократизации» [7; 17]. Для этой модели характерны относительно небольшая численность граждан, работающих в некоммерческом секторе, незначительная государственная поддержка и ограниченность привлечения граждан в качестве волонтеров в работе общественных объединений⁵.

Система, при которой государство было единственным поставщиком и гарантом выполнения социальных обязательств, изжила себя, и год от года демонстрировала свою неэффективность. Одна из целей реформ состояла в том, чтобы переложить часть этих социальных обязательств на граждан, рыночные механизмы и общественные институты, в первую очередь НКО. Значительную роль в формировании нового политического курса сыграло экспертное сообщество⁶.

Существенное влияние на развитие механизмов взаимодействия общественных институтов и государства оказали такие институциональные новации, как преобразование государственных и муниципальных учреждений в нормативно-правовую форму НКО; правовое закрепление статуса социально ориентированных НКО как основание для государственной поддержки, налоговых льгот и инфраструктурной

¹ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // СЗ РФ. 2011. № 26. Ст. 3826.

² См.: *Salamon L., Sokolowski S. Explaining patterns of civil society: the «social origins» approach.* Prepared for delivery at the 9th International Conference of the International Society for Third Sector Research. Istanbul, Turkey, July 9, 2010. P. 15. Цит. по [18].

³ *Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies.* Oxford University Press. 1999. P. 12. Цит. по [18].

⁴ Это хорошо показывает кросс-национальный анализ. Так, социал-демократическая модель социального государства характерна для скандинавских стран, консервативная модель распространена в континентальной Европе. А в англосаксонских странах доминирует либеральная модель социального государства.

⁵ См.: *Salamon L., Sokolowski S.* Указ. соч.

⁶ В частности можно выделить группу «Развитие общественных институтов» Стратегии–2020 и Центр изучения гражданского общества НИУ «Высшая школа экономики» (Москва) и т. п. Разработанные экспертами предложения по формированию категории социально ориентированных НКО, создание системы финансовой и инфраструктурной поддержки НКО, реорганизации государственных и муниципальных учреждений были сформулированы в аналитических докладах этих организаций и в той или иной степени вошли в состав принимаемых политических решений. См.: Официальный сайт группы «Развитие общественных институтов» Стратегии–2020: <http://2020strategy.ru/g16>; сайт Центра изучения гражданского общества НИУ «Высшая школа экономики»: <http://www.grans.hse.ru>.

поддержки и новые механизмы финансирования некоммерческого сектора (президентские гранты, правительственные программы поддержки, государственный заказ) [2]. Произошли также изменения в структуре государственного управления сферой взаимодействия органов власти с гражданским обществом: в апреле 2011 г. полномочия по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на уровне российского правительства были переданы Министерству экономического развития¹.

Для реализации цели статьи важно определиться в некоторых основополагающих подходах или критериях сравнительного анализа моделей взаимодействия общества и власти. Одной из исходных посылок исследования механизмов общественно-государственного диалога выступает положение о конфликтной природе любого социума. Отсюда вытекает необходимость при анализе тех или иных моделей и механизмов взаимодействия общества и власти исходить из такого критерия эффективности подобных моделей, как степени воздействия их на снижение общественно-политической конфликтности [4 и др.].

Вторая методологическая посылка, лежащая в основе такого рода исследования, связана с детерминирующей ролью коммуникационных процессов в современном обществе. Практически любая современная модель взаимодействия общества и государства базируется на фундаментальном значении политической коммуникации и ее институтов [11; 19].

Наконец, в эпоху глобального информационного общества и ускорения темпов социального развития принципиально важно учитывать условия качественного развития социума, что предопределяет необходимость инновационного подхода к моделированию процессов общественно-государственной коммуникации.

В основе сравнительного анализа сложившихся в исследовательском пространстве моделей взаимоотношений общественных и государственных институтов лежат такие показатели, как: доля граждан, работающих в некоммерческом секторе, доля граждан, участвующих в деятельности НКО в качестве волонтеров и государственная поддержка гражданских институтов [8; 9 и др.].

Интегральным показателем объема некоммерческого сектора является уровень вовлеченности экономически активного населения в деятельность некоммерческих организаций. Эмпирические данные показывают низкий уровень вовлеченности граждан в деятельность некоммерческих организаций в России. В целом, доля вовлеченного в деятельность некоммерческого сектора по состоянию на 2013 г. составила по данным Фонда развития гражданского общества 1,1% экономически активного населения или более 828 тыс. человек². Для сравнения, в США и Великобритании этот показатель равняется 9,2% и 11% соответственно, что характерно для «либеральной» модели общественного устройства. В среднем доля занятых в «третьем секторе» развитых стран мира равна 7,1% экономически активного населения³.

На характер взаимосвязи общественных и государственных институтов существенно влияет неоднородная структура российского гражданского общества. Как показывают исследования, отличительной чертой российского «третьего сектора» является его сложная и неоднородная структура. Основной массив российских общественных объединений составляют организации в сфере спорта, организации

¹ Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2011 года № 276 «О внесении изменений в Положение о Министерстве экономического развития РФ» // [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113202> (дата обращения: 20.06.2016).

² Фонд развития гражданского общества. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России. 2013 г. // [Электронный ресурс]. URL: <http://civildfund.ru/mat/view/20> (дата обращения: 20.06.2016).

³ Там же.

досуга, профессиональные объединения и др.¹. Социально ориентированные организации, включая в сферу гражданского образования, возникают большей частью уже после упразднения СССР в начале 1990-х годов. При этом важнейшим источником их финансирования нередко выступали зарубежные фонды и негосударственные источники.

Различная природа общественных организаций влияет на выбор той или иной модели взаимоотношений с органами власти. Так, многие ветеранские организации, созданные еще в советское время, выделяются заметным консерватизмом и заинтересованы в сохранении льгот и выделении средств на целевой основе. Но НКО, возникшие уже в постсоветский период, тяготеют к более либеральным механизмам взаимодействия с властью. Они демонстрируют готовность к конкуренции и к конкурсному порядку финансирования своей деятельности².

В постсоветской России сложилась своя история развития взаимоотношений между гражданским обществом и государством, значимые события которой обусловлены двумя важнейшими причинами. С одной стороны, они увязаны во многом со стремлением власти найти дополнительный ресурс легитимации за счет ресурсов гражданского общества. С другой стороны, сложный и противоречивый процесс саморазвития институтов гражданского общества приводил их к необходимости искать поддержку государства уже в силу того, что собственные источники развития гражданской инициативы, включая бизнес-сообщества, были совершенно недостаточны. И государство каждый раз оказывалось основным источником поддержки и развития гражданских проектов. Важно отметить, что современное российское государство, во многом под влиянием опыта «цветных революций» в странах постсоветского пространства, неоднозначно относится к общественной активности, порой усматривая в ней враждебные проявления.

Вместе с тем еще на открытии в ноябре 2001 г. первой масштабной встречи представителей структур российского гражданского общества и власти, Гражданского форума, Президент РФ В. Путин заявил, что власть не собирается подчинять себе гражданское общество и делать его управляемым; наоборот, она заинтересована в диалоге с ним и налаживании партнерства³.

По-настоящему сильного демократического государства при слабом обществе, конечно же, не возникнет. И только полноценная общественная жизнь может обезопасить государственную машину от застоя⁴.

Но последующий период взаимоотношений российского государства и складывающегося гражданского общества показал не только определенную динамику в развитии гражданских институтов, но и выявил целый ряд проблем и противоречий в этом сложном процессе.

Тормозящие причины развития гражданского общества в современной России, в первую очередь, связаны с низкой эффективностью социальной политики

¹ См.: Фонд развития гражданского общества. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России. 2013 г.

² На основании Распоряжения Президента РФ от 1 апреля 2015 г. № 79-рп «Об обеспечении в 2015 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» на третий открытый конкурс президентских грантов в 2015 г. было подано 4416 заявок, а победителями были признаны 381 проект // [Электронный ресурс]. URL: <https://grants.oprf.ru/grants2015-3> (дата обращения: 20.06.2016).

³ Путин В.В. Выступление на Гражданском форуме 21 ноября 2001 г. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsnbr.ru/Ognivcev/putin_kremlin_forum_2001.html (дата обращения: 20.06.2016).

⁴ Путин В.В. Указ. соч.

государства. В исследовательской литературе давно уже отмечается, что недостаточное государственное финансирование социальной сферы формирует потребность частичной (а иногда, возможно, и полной) передачи государственных полномочий в определенных сферах структурам гражданского общества. Благодаря этому может повыситься уровень участия граждан как в обсуждении и принятии государственных решений, так и в контроле «снизу» за их исполнением [5].

При этом важно подчеркнуть, что качество и направленность решений, принимаемых государством во взаимодействии со структурами гражданского общества, во многом будут определяться тем, какие именно формы взаимодействия с властью подключаются к данному процессу. Это суждение получило подтверждение в результате проведенного нами в 2015 г. экспертного опроса государственных и муниципальных служащих с участием представителей бизнес-структур Санкт-Петербурга. В табл. 1 представлены данные, полученные в ходе исследования вопроса о формах взаимодействия власти и общества.

Примечание: Опрос проводился с использованием стандартизированного опросного листа. Объем выборки экспертов составил 94 респондента. В данном вопросе допускались до 3 вариантов ответов.

Как видно, в числе наиболее предпочтительных форм диалога власти и общества, по мнению экспертов, находятся те из них, в которых очевидно деятельное участие граждан и их представителей: выборы, референдумы и, что особенно характерно, общественные обсуждения законопроектов.

В этом контексте формируется новая философия взаимодействия власти и общества, связанная не столько с тем, что государство само может уступить какие-то сферы частных интересов самому обществу, сколько с тем, что само общество в своем развитии приобретает способность самостоятельно, без вмешательства государства осуществлять соответствующие функции. Вместе с тем следует признать, что в настоящее время подобная философия находится в самом зачаточном состоянии [13].

Таблица 1

Какие из форм взаимодействия власти и общества вы считаете наиболее эффективными

Форма взаимодействия	Количество ответов
1. Выборы	42
2. Обращения граждан	47
3. Лоббирование	5
4. Референдумы	22
5. Встречи с депутатами	21
6. Парламентские слушания	5
7. Публичные слушания	24
8. Общественные обсуждения законопроектов	39
9. Участие в форумах, пресс-конференциях	33
10. Блогинг	12
11. Митинги, демонстрации и т.п.	9
12. Участие в политических партиях	17
13. Иное _____	0

Поливариантный характер развития современного гражданского общества проистекает из сложного и разнородного содержания общественных институтов, в силу чего практически невозможно смоделировать общие для всей общественной системы механизмы взаимодействия власти и гражданского общества. В силу этого мы сталкиваемся в отечественном экспертно-аналитическом дискурсе с большим разбросом теоретических построений и практико-ориентированных моделей, с помощью которых исследователи, политики и гражданские активисты пытаются определить наиболее эффективные механизмы государственно-общественной коммуникации.

Так, авторы объемной монографии «Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России» приходят к выводу, «что в российской государственности наиболее оптимальной, имеющей практическую ценность с позиции конструктивного противовеса институтам публичной и, прежде всего, государственной власти, моделью является контрактualистско-коммунитарная, в рамках которой гражданское общество остается сферой свободной относительно автономной активности граждан, различных организаций, являющихся самостоятельными и независимыми субъектами правовой, политической и социально-экономической жизни» [5, с. 317].

Но при всей своей формальнологической стройности, такого рода модель не учитывает двух важных для современного отечественного публичного пространства обстоятельств. Во-первых, полагаем, не стоит преувеличивать автономный характер гражданской активности и реальную способность действующих гражданских структур оказывать внешнее воздействие на институты публичной власти. Во-вторых, когда авторы данной модели сводят задачу государства в таком построении к императивному закреплению «пределов правового пространства функционирования структур гражданского общества», то они не учитывают обоюдно острый характер подобной роли государства. Как позывает тот же анализ развития взаимодействия государства и общества с конца 2011–2012 гг. по настоящее время, подобная функция государства может быть реализована как во благо развития гражданского общества, так и в иных нужных власти целях.

В целом же, анализируя результаты реализации исследовательского интереса к проблематике взаимодействия власти и общества в современной России, можно увидеть, что они группируются по двум основным направлениям. Первое направление можно условно определить как *инструментально-институциональное*, второе же можно охарактеризовать как *ценностное или ментальное*. В первую же группу входят, на наш взгляд, и работы технологического характера, анализирующие технологическую сторону взаимодействия власти и общества¹. Разумеется, в зависимости от целеполагания и исследовательских задач, современные авторы могут исходить из иных оснований и критериев эффективности тех или иных моделей взаимосвязи общества и государства.

Так, например, А. А. Ильченко модели взаимодействия общества и власти дифференцирует по таким основаниям, как реализуемая коммуникативная стратегия, степень открытости и характер проявлений [6, с. 12].

Отдавая должное этой типологии, следует подчеркнуть, однако, что перечисленные модели объединены преимущественно технологическими признаками. В то же время институциональная природа этих моделей выступает не столь очевидным

¹ См. например [6]. В своем исследовании автор описал целых 12 моделей информационно-коммуникативного взаимодействия органов власти и общества, а именно модели «свободного диалога», «кукольника», «лобового столкновения», «артикуляции претензий», «позитивного информирования», «открытой провокации», «перехода на запасной путь», «марионетки», «спирали насилия», «тайной комнаты», «Арлекина» и «усугубления конфликта».

образом. Что касается наиболее востребованных актуальной практикой моделей взаимодействия власти с обществом, то нельзя не согласиться с А. Ильченко в том, что в современных российских условиях пока в большей мере актуализированы модели манипуляции и конфликта (информационно-коммуникативного воздействия), нежели модели конвенции (информационно-коммуникативного взаимодействия/диалога).

К настоящему времени доминирующая роль государства в развитии общественных институтов в России является очевидной¹. Это вполне естественно, учитывая тот факт, что государство в целом играет ключевую роль в функционировании современного отечественного политического процесса. Именно оно определяет их настоящее и ближайшее будущее, поскольку в настоящее время общественные институты находятся в стадии становления и развития. Они плохо интегрированы в современное информационно-коммуникационное пространство, не пользуются широкой социальной поддержкой и поэтому испытывают дефицит связей с гражданами. По сути дела эти связи только начинают выстраиваться. В силу этих обстоятельств потенциальный ресурс институциональной гражданской активности пока крайне невелик. И по этой причине также особое значение для перспектив развития общественных институтов в стране имеют модели и сценарии взаимодействия общественных институтов и органов власти². Усиленный поиск и обоснование стратегических направлений развития государства и общества как на федеральном, так и на региональном уровне привел и продолжает приводить к разработке важных стратегических документов. И практически в каждом из них проблема взаимодействия общественных институтов и государства относится к числу основополагающих³. С начала 2000-х годов по настоящее время в исследовательском пространстве и экспертном сообществе сложилось несколько направлений анализа теоретических оснований и складывающейся практики государственно-общественного взаимодействия. Практически все авторы, обращающиеся к данной проблематике, подчеркивают, что в реальной общественной практике в чистом виде эти модели не существуют, они проявляются только в различных комбинациях. Но при этом возможно выделить доминирующую модель, что существенно важно для определения актуальных трендов общественного развития в целом⁴.

Разработчики «Стратегии 2020», обобщив накопленный к 2011 г. аналитический опыт исследования моделей и механизмов взаимодействия власти и общества, создали свой вариант системы подобного взаимодействия. Этот документ включает в себя 4 группы моделей в соответствии с доминирующим признаком (табл. 2). В первом случае таким признаком выступает партнерское взаимодействие общественных и государственных институтов и в эту группу включены такие модели, как «модель садовника»: органы власти разного уровня принимают нормативные акты,

¹ См.: О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года // [Электронный ресурс] / Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.03.2016).

² См. подробнее об этом: Официальный сайт группы «Развитие общественных институтов» Стратегии–2020: <http://2020strategy.ru/g16>; Сайт Центра изучения гражданского общества НИУ «Высшая школа экономики»: <http://www.grans.hse.ru>.

³ См. Проект «Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» // http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_kronsht/news/82947; [14].

⁴ [3; 15; 16]; Аналитическая записка «Совершенствование институциональных условий функционирования НКО, привлечение НКО к предоставлению государственных (муниципальных) услуг (работ), подготовленная Институтом экономики города. (http://strategy2020.rian.ru/g16_docs/20111201/366213790.html); Официальный сайт группы «Развитие общественных институтов» Стратегии–2020: <http://2020strategy.ru/g16>; Сайт Центра изучения гражданского общества НИУ «Высшая школа экономики»: <http://www.grans.hse.ru/> и др.

способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций, и предпринимают конкретные действия по поддержке развития таких организаций. Партнерская модель, при которой государственные органы не пытаются управлять общественными институтами, а участвуют в различных формах диалога с НКО — в виде «переговорных площадок» и иных форм. «Модель архитектора»: общественные институты формируют повестку дня, предлагают решения определенных проблем, участвуют в создании новых органов государственной власти, обучают и воспитывают чиновников государственных структур.

Если попытаться наложить изложенную в таблице систему моделей на реальную общественную практику, то в настоящее время в большинстве случаев взаимодействия реализуются модели, основанные на доминировании власти. При этом степень доминирования и реальные технологии взаимосвязи могут отличаться в различных вариантах доминирования.

Ряд исследователей, работающих в рамках либеральной политологической парадигмы, особое внимание уделяют системным условиям общественно-политического процесса и их влиянию на практику взаимодействия общества и российского государства [1; 15; 16; 18 и др.]. Заслуживает внимания вывод Г. Эспин-Андерсена и А. Тарасенко о том, что сложившаяся система социального обеспечения определяет модель взаимоотношений между общественными и государственными институтами [18; 21]. Отсюда следует содержательная схема этой модели, представленная А. Тарасенко: чем больше социальных обязательств берет на себя государство, тем меньше возможностей остается у негосударственных институтов [18]. Поэтому, либерализация социальной сферы в современной России влечет за собой, по мнению исследователей, не только изменение принципов управления (административная и бюджетная реформа), но и пересмотр патерналистской модели взаимоотношений общества и государства (приватизация социальной сферы, развитие финансовых механизмов поддержки социальных проектов, реализуемых некоммерческими организациями и т. д.) [Там же]. Действительно, в настоящее время мы можем констатировать определенное оживление, даже рост этих форм взаимодействия тех же НКО с государством. Но делать вывод о пересмотре патерналистской модели, полагаем, все же преждевременно. Более того, в каком-то смысле патернализм в этой сфере только модернизируется, отражая доминирующее влияние государства. Так, например, в Санкт-Петербурге в настоящее время ведется «Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга». Включение конкретных НКО в этот реестр практически всегда зависит от исполнительных структур власти города, что в решающей степени предопределяет зависимое положение общественных организаций¹.

В настоящее время российское государство вынуждено реагировать на серьезные вызовы как внешнеполитического, так и внутреннего характера. В этих условиях эффективность общественно-государственного диалога приобретает детерминирующее значение для стабильного и устойчивого развития страны. Вот почему так важно осуществлять постоянный научный мониторинг реального процесса взаимодействия государства и общественных институтов, своевременно выявляя проблемы и противоречия, затрудняющие этот процесс.

В их числе следует иметь в виду, во-первых, противоречивые тенденции общественного развития, характерные для государственности в период смены государ-

¹ См.: О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]: Закон Санкт-Петербурга от 11.04.2011 № 153-41 (ред. от 10.06.2015) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2016).

**Модели взаимодействия общественных и государственных институтов
по материалам «Стратегии 2020»**

Группа моделей	Название моделей	Атрибуция моделей
А. Партнерское взаимодействие	«Модель садовника»	Органы власти разного уровня принимают нормативные акты, способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций, и предпринимают конкретные действия по поддержке развития таких организаций
	«Партнерская модель»	Государственные органы не пытаются управлять общественными институтами, а участвуют в различных формах диалога с НКО — в виде «переговорных площадок» и иных форм
	«Модель архитектора»	Общественные институты формируют повестку дня, предлагают решения определенных проблем, участвуют в создании новых органов государственной власти, обучают и воспитывают чиновников государственных структур
Б. Взаимодействие, основанное на доминировании власти	«Патерналистская модель»	Государство разрешает определенную автономию организаций в обмен на политическую лояльность, обеспечивает определенную поддержку деятельности лояльных организаций (финансирование, льготы и преференции)
	Модель «приводных ремней»	Общественные организации полностью контролируются и рассматриваются властью исключительно как передаточные механизмы от руководства к населению
В. Конфронтация	Модель «Борьбы с противником»	Представители государства видят в лице независимых организаций, в первую очередь, правозащитных или не желающих «встраиваться» в патерналистскую модель, опасность для собственной власти и стараются осложнить их деятельность
	Модель «Гражданского неповиновения»	В условиях нарушения властью гражданских прав человека и политических свобод ряд общественных организаций избирает тактику гражданского неповиновения — участия в несанкционированных митингах, пикетах, других действиях, вызывающих репрессивные действия власти, переходя тем самым уже фактически в плоскость политической борьбы
Г. Отсутствие взаимодействия	Модель «игнорирования»	Государство не замечает большинства НКО, не мешает, но и не помогает их деятельности
	Модель «социального эскепизма»	Среди неформальных объединений граждан и ряда НКО растет число желающих всячески минимизировать свою связь с органами власти и, шире, институализированной социальной реальностью (движение социального эскейпа)

Источник: [14].

ственно-правового режима. Во-вторых, требующие повышенного исследовательского внимания многочисленные препятствия институционального, социально-экономического и ментального характера формирующемуся общественно-государственному диалогу. В-третьих, сохраняющуюся инертность и пассивность граждан в отношении цивилизованной защиты собственных прав и свобод. И, безусловно, важно в полной мере учитывать степень публичности государственной политики в сфере взаимодействия с обществом, выступающую необходимым фактором повышения общественного доверия и легитимации власти.

Литература

1. Аврамова Е. М. Запрос на социальный либерализм в современном российском обществе // Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. СПб.: МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2015. С. 149–174.
2. Агеев О. В. Особенности и некоторые итоги административной реформы в современной России : материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Управление и общество: от традиций к реформам». Тамбов. 2.04.2015 // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал. 2015. № 1 (9). С. 30–32.
3. Ачкасова В. А. Мобилизационная модель коммуникации власти и общества / Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 54-го междунар. форума (22–24 апреля 2015 г.) / ред.-сост. С. Г. Корконосенко, Д. П. Гавра ; отв. ред. С. Г. Корконосенко. 2015. № 3 (S4). СПб. : Вышш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2015. С. 246–248.
4. Зайцев А. В. Диалогика гражданского общества: истоки, понятие, смысл // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 3. С. 141–145.
5. Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России. М. : Юрлитинформ, 2011. С. 316–318.
6. Ильченко А. А. Институциональные и технологические аспекты взаимодействия органов власти и общества : автореф. канд. дис. по специальности «политические институты, процессы и технологии». Астрахань, 2011.
7. Мархинин В. В. К справедливому обществу: идеи, проекты, теории на Западе и в России. М. : Алгоритм, 2011.
8. Мерсиянова И. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение. М. : НИУ ВШЭ, 2011.
9. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Модернизация и публичная политика: актуальные проблемы и дискурс // Оценка состояния гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика. Краснодар, 2010.
10. Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011.
11. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
12. Русская власть и бюрократическое государство: коллективная монография. Ч. 2 / отв. ред. В. П. Макаренко. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮРФУ, 2015. Ч. 2.
13. Сизов И. В. Граждане и власть в современной России // Свободная мысль. 2010. № 6. С. 97–106.
14. Стратегия–2020: Новая модель роста — новая социальная политика : Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. Кн. 2. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
15. Сунгуров А. Ю., Нездюров А. Л. Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России // Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л. И. Яковсона. М. : Вершина, 2008. С. 209–236.
16. Сунгуров А. Ю., Нездюров А. Л. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 1. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 500–508.

17. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.
18. Тарасенко А. Доклад «Пересмотр модели социального государства в России: либеральные интенции и постсоветская инерция» [Электронный ресурс]. URL: <http://eu.spb.ru/news/11306-model-soc-gos>
19. Тимофеева Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления // ПОЛИС (Политические исследования). 2009. № 5. С. 41–54.
20. Храмцов А. Ф. Бюрократия и социальное государство. М. : ИС, 2010.
21. Эспинг-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу // SPERO. 2006. № 5. С. 7–32.

References

1. Avraamova E. M. *Request for social liberalism in modern Russian society* [Zapros na sotsial'nyi liberalizm v sovremennom rossiiskom obshchestve] // Social liberalism: between freedom and etatism [Sotsial'nyi liberalizm: mezhdru svobodoi i etatizmom]. SPb. : Leontief centre, 2015. P. 149–174. (rus)
2. Ageev O. V. *Features and some results of administrative reform in modern Russia*. Materials of the X Russian scientific and practical conference "Management and society: from traditions to reforms". Tambov. 02.04.2015. [Osobennosti i nekotorye itogi administrativnoi reformy v sovremennoi Rossii. Materialy X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Upravlenie i obshchestvo: ot traditsii k reformam». Tambov. 2.04.2015] // Political management: scientific information and education electronic journal [Politicheskoe upravlenie: nauchnyi informatsionno-obrazovatel'nyi elektronnyi zhurnal]. 2015. N 01 (09), p. 30–32. (rus)
3. Achkasova V. A. *Mobilization model of communication of the power and society* [Mobilizatsionnaya model' kommunikatsii vlasti i obshchestva] // Information age. Media in the modern world — St. Petersburg readings: materials of the 54th international forum (on April 22–24, 2015) [Vek informatsii. Media v sovremennom mire. Peterburgskie chteniya: mater. 54-go mezhdunar. foruma (22–24 aprelya 2015 g.)] / under the edition of S. G. Korkonosenko, D. P. Gavra; executive edition of S. G. Korkonosenko. 2015. N 3 (S4). — SPb.: School of Journalism and Mass Communications [Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikatsii], 2015. P. 246–248. (rus)
4. Zaytsev A. V. *Dialogics of civil society: sources, concept, sense* [Dialogika grazhdanskogo obshchestva: istoki, ponyatie, smysl] // Bulletin of the Kostroma State University of N. A. Nekrasov [Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova.]. 2012. N 3. P. 141–145. (rus)
5. *Abuses of the public power and anti-corruption policy in modern Russia* [Zloupotrebleniya publichnoi vlast'yu i antikorruptsionnaya politika v sovremennoi Rossii]: Monograph / Agafonova T. P., Gdalevich I. A., Mamychev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. M.: Yurilitinform [Yurilitinform], 2011. P. 316–318. (rus)
6. Ilchenko A. A. *Institutional and technological aspects of interaction of authorities and society* [Institutsional'nye i tekhnologicheskie aspekty vzaimodeistviya organov vlasti i obshchestva]. Dissertation abstract. Astrakhan, 2011. (rus)
7. Markhinin V. V. *To fair society: ideas, projects, theories in the West and in Russia* [K spravedlivomu obshchestvu: idei, proekty, teorii na Zapade i v Rossii]. M.: Algorithm, 2011. 846 p. (rus)
8. Mersiyanova I. *Population involvement in informal practitioners of civil society and activities of NPO: regional measurement* [Vovlechenost' naseleniya v neformal'nye praktiki grazhdanskogo obshchestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie]. M: National Research University — Higher School of Economics [NIU VShE], 2011. (rus)
9. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. *Modernization and public policy: actual problems and discourse* [Modernizatsiya i publichnaya politika: aktual'nye problemy i diskurs] // Assessment of a condition of civil society of Russia: problems, tools and regional specifics [Otsenka sostoyaniya grazhdanskogo obshchestva Rossii: problemy, instrumenty i regional'naya spetsifika]. Krasnodar, 2010. (rus)
10. Obolonsky A. V. *Crisis of the bureaucratic state: reforms of public service: international experience and Russian realities* [Krizis byurokraticheskogo gosudarstva: reformy gosudarstvennoi sluzhby: mezhdunarodnyi opyt i rossiiskie realii]. Moscow: Liberal Mission fund [Fond «Liberal'naya missiya»], 2011. 443 p. (rus)
11. *Political Communication science: the theory, methodology and practice* [Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika] / under the editorship of L. N. Timofeeva. M. : Russian Association of Political Science (RAPS); Russian political encyclopedia (ROSSPEN)

- [Rossiiskaya assotsiatsiya politicheskoi nauki (RAPN); Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)], 2012. 327 p. (rus)
12. *Russian power and bureaucratic state* [Russkaya vlast' i byurokraticheskoe gosudarstvo]: collective monograph. P. 2. Executive editor V. P. Makarenko. Rostov-on-Don: UrFU publishing house [Izd-vo YuRFU], 2015. P. 2. 626 p. (rus)
 13. Sizov I. V. *Citizens and the power in modern Russia* [Grazhdane i vlast' v sovremennoi Rossii] // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2010, N 6. P. 97–106. (rus)
 14. *Strategy-2020: New model of growth — new social policy*. Final report on results of expert work on actual problems of social and economic strategy of Russia for the period till 2020 [Strategiya–2020: Novaya model' rosta — novaya sotsial'naya politika Itogovyi doklad o rezul'tatakh ekspertnoi raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda]. Book 2. Under scientific edition of V. A. Mau, Ya. I. Kuzminov. M.: Publishing house “Delo” [Izdatel'skii dom «Delo»], 2013. (rus)
 15. Sungurov A. Yu., Nezdyurov A. L. *Interaction of authorities and structures of civil society: possible models and their implementation in social and political life of modern Russia* [Vzaimodeistvie organov vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: vozmozhnye modeli i ikh realizatsiya v obshchestvenno-politicheskoi zhizni sovremennoi Rossii] // Factors of development of civil society and mechanisms of its interaction with the state [Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeistviya s gosudarstvom] / under the editorship of L. I. Jacobson. M.: Vertex [Vershina], 2008. P. 209–236. (rus)
 16. Sungurov A. Yu., Nezdyurov A. L. *Models of interaction of public authorities and structures of civil society: Russian experience* [Modeli vzaimodeistviya organov gosudarstvennoi vlasti i struktur grazhdanskogo obshchestva: rossiiskii opyt] // Modernization of economy and globalization [Modernizatsiya ekonomiki i globalizatsiya]: In 3 books / Executive edition of E. G. Yasin. Book 1. M.: Publishing house of SU-HSE [Izd. dom GU-VShE], 2009, p. 500–508. (rus)
 17. Tullok G. *Public Goods, Redistribution and Rent Seeking* [Obshchestvennye blaga, pereraspredelenie i poisk renty]. Translation from English L. Goncharova. M.: Publishing house of the Gaidar Institute [Izd-vo In-ta Gaidara], 2011. 220 p. (rus)
 18. Tarasenko A. *The report “Review of model of the social state in Russia: liberal intensions and Post-Soviet inertia”* [Doklad «Peresmotr modeli sotsial'nogo gosudarstva v Rossii: liberal'nye intentsii i postsovetskaya inertsiya»] [Electronic resource]. URL: <http://eu.spb.ru/news/11306-model-soc-gos>. (rus)
 19. Timofeeva L. N. *Political Communication science: formation problems* [Politicheskaya kommunikativistika: problemy stanovleniya] // POLIS (Political studies). 2009. N 5. P. 41–54. (rus)
 20. Hramtsov A. F. *Bureaucracy and social state* [Byurokratiya i sotsial'noe gosudarstvo] / Organization of the Russian academician of sciences, Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow: IS, 2010. 242 p. (rus)
 21. Esping-Andersen G. *Towards the good society, once again* [Snova na puti k khoroshemu obshchestvu] / SPERO. 2006. N 5. P. 7–32. (rus)